Юрий БОНДАРЕВ встречается с избирателями

ПАМЯТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Ю. В. БОНДАРЕВ (справа) *и секретарь Котельнического РК КПСС А. Г. САМСОНОВ у кургана воинской славы на берегу реки Аксай, где писатель участвовал в боях за освобождение Котельникова.*

ПОЕЗД пришел в Котельниково поздним оттепельным вечером. «Трудно поверить, что я снова здесь...» — Юрий Бондарев стоял у вокзала, всматриваясь в темнеющие пристанционные строения и уходящие во влажную мглу пути. «...Откуда же мы наступали? Да, вон оттуда, от пакгаузов. Здание вокзала хорошо помню, оно было полуразрушено, и металлическая надпись «Котельниково» висела наискосок. Я не знал, какое это было число, и только после ранения уточнил — двадцать девятое декабря. Стояли жестокие морозы. Мы взяли Котельниково и захватили немецкие склады, где были уже приготовлены новогодние подарки каждому солдату фюрера: искусственная елочка, мед в банке, шоколад, сигареты... А для меня в Котельникове кончилась Сталинградская битва».

Да, новый, 1943 год не принес ничего хорошего ни группировке Паулюса, обреченно сражавшейся в Сталинградском «котле», ни ударной группе «Гот», спешившей ей на помощь и остановленной северо-восточнее отсюда, в районе Громославки и Васильевки.

«В то время как в высших немецких штабах все, казалось, было предопределено, разработано, утверждено и танковые дивизии Манштейна начали бои на прорыв из района Котельникова в истерзанный четырехмесячной битвой Сталинград, к замкнутой нашими фронтами в снегах и руинах более чем трехсоттысячной группировке генерал-полковника Паулюса, напряженно ждущей исхода,— в это время еще одна наша свежесформированная в тылу армия по приказу Ставки была брошена на юг через беспредельные степи навстречу армейской ударной группе «Гот», в состав которой входили тринадцать дивизий. Действия и той и другой сторон напоминали как бы чаши весов, на которые были теперь положены все возможности в сложившихся обстоятельствах...»

В составе свежей армии был будущий автор этих строк из романа «Горячий снег», восемнадцатилетний москвич из Замоскворечья, сержант Юрий Бондарев, который через тридцать с лишним лет вернулся на землю своего боевого крещения широко известным писателем, заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР, чтобы встретиться с избирателями, снова назвавшими его своим кандидатом в депутаты Верховного Совета России. Избирательный округ территориально немного изменился, и в него вошли два новых района, самых памятных для писателя, — Октябрьский, над окровавленными снегами которого протекли танковой лавиной, просвистели морозным ветром, прогремели выстрелами орудий бесконечные сутки решающей битвы на берегу реки Мышковой, и Котельнический, где на берегу реки Аксай была окончательно смята боевая мощь армии Манштейна и где получил свое первое ранение Юрий Бондарев, прошедший потом путь от горячего сталинградского снега до Чехословакии. Через много лет престарелый Манштейн отказался встретиться с советским писателем и ответить на его вопросы. В частности на такой: что почувствовал фельдмаршал в том декабре, потерпев поражение?

— Вся литература — это путешествие в прошлое, — такими словами начал Ю. Бондарев свою встречу с избирателями-читателями.— **Каждый из вас в определенный период жизни совершает путешествие в детство, юность, прошлые годы. Во имя того, чтобы избежать страшной потери — исчезновения минувшего существует искусство, литература. Сегодня уже не на страницах рукописи, а в реальной жизни я вернулся в прошлое, которое было так давно, будто не было вовсе, и так недавно, будто было все лишь вчера... Я не нашел того места, над которым в жестокий мороз небо было ярко-синим, но в воздухе бесконечно рвались бризантные снаряды. Мы были мокрыми от пота, и вода Аксая из полыньи показалась нам сладкой...**

Юрий Бондарев побывал на берегу реки, где проходил боевой рубеж, а теперь насыпан местными жителями высокий курган с бетонной каской на вершине, и все вглядывался в степь, пересеченную линиями электропередачи и полосами лесозащиты («Нет, тогда этого ничего не было — ровная, гладкая степь»). Наши войска наступали на город мимо мельницы, на месте которой стоит теперь современный завод автоматических систем управления. Город Котельниково небольшой, но работящий, умелый. Самое крупное его предприятие — завод сельскохозяйственного машиностроения, где производятся дождевальные машины «Волжанка», так нужные на этих землях, дающих устойчивые урожаи только при орошении. Засуха минувшего года сильно сказалась на урожае зерновых, район закупает корма на стороне, чтобы пережить трудную зимовку скота. Один из наказов кандидату в депутаты — помочь в создании Котельниковской оросительной системы. Планы ее строительства переходят из пятилетки в пятилетку, но лод лежачий камень благих проектов вода никак не течет. Кстати, один из водозаборов этой системы должен быть недалеко от станицы Пугачевской, бывшей Потемкинской, а еще раньше — Зимовейской, откуда родом Степан Разин и Емельян Пугачев. Вот какими людьми осваивалась и прославилась эта казацкая степная земля, рождающая и в наше время стойких солдат на поле брани и труда. После встречи с избирателями к Юрию Васильевичу подходили ветераны Котельникова, здесь живут шесть освободителей города. Один из них — персональный пенсионер Федор Иванович Алимов — тоже воевал в артиллерии.

— Какие пушки? — живо поинтересовался Бондарев.

— Семидесятишестимиллиметровые.

— Отличные орудия. Я ими очень доволен, — сказал писатель, словно речь шла о сегодняшнем, наиважнейшем достоянии. Это и понятно. На дивизию, в которой вместе со всеми на берегу Мышковой держал оборону Юрий Бондарев, наносили главный удар сто пятьдесят танков Манштейна. Приказ: ни шагу назад! Главное — выбить танки противника! И родные 76-миллиметровые орудия помогли людям совершить невозможное. Механизатор Иван Михайлович Клещенко, кудрявый и даже в эту пору смуглый, закончил свое душевное выступление без бумажки приглашением на те самые поля, где горел снег у орудия Бондарева, где собирают ныне хорошие урожаи земледельцы совхоза «Октябрьский».

Для тех, кто не был в этих краях, они кажутся благодатными — юг, степные просторы. Но сколько сил, умения, крестьянской мудрости требуется человеку, чтобы научиться хозяйствовать на этой земле. В Калачевском районе расположено крупнейшее хозяйство области — ордена Ленина производственное совхозное объединение «Волго-Дон». Именно его коллектив выдвинул кандидатуру Ю. Бондарева. Писатель дорожит дружбой с волгодонцами, любит приезжать сюда, а о директоре объединения — Герое Социалистического Труда Викторе Ивановиче Штепо отзывается кратко и весомо: «Мудрейший человек». Виктор Иванович по образованию инженер, работал на заводе, но в 1953 году по призыву партии пришел в сельское хозяйство. Совхоз «Волго-Дон» был основан как целинный в зоне рискованного земледелия, где фактически властвует климат полупустыни — случается лето без единого дождя! Волго Донской канал вдохнул жизнь в эти засушливые земли. Но немало упорства, сметки, мужества надо было проявить лично Штепо, чтобы избежать шараханий в аграрном деле, доказать перспективность орошаемого овощеводства и вредность погони за количеством для «галочки» орошаемых гектаров, по которым лишь однажды пробежала водичка и испарилась бесследно. Теперь он руководит могучим объединением совхозов, которое уже выполнило планы пятилетки по всем основным показателям и получило за четыре года семнадцать миллионов чистой прибыли. Человек государственного мышления, остроумный собеседник, Виктор Иванович говорит с писателем и депутатом откровенно, по дружески, не обходя острых углов. Зашла, например, речь о благосостоянии рабочих совхозов, и генеральный директор, назвав суммы заработков, добавил с озабоченностью: «Но не все здесь просто. Скажем, такая неувязка. На машины — очередь. Мы их продаем самым лучшим и вдруг замечаем — не тот стал работник. Приходит уборка. Ведь это как бой: начался — не остановишь, и выйти из него — преступление. (Внимательно слушавший Бондарев кивнул головой.) А человек, смотрим, ищет предлог уклониться, отпроситься, съездить куда-нибудь на своей машине. Мыслимо ли это, чтобы настоящий хозяин во время жатвы о чем другом думал? Вот так поощрили! Значит, иногда и заработанное благосостояние может вредить общему делу, если не растет сознательность человека».

Бондарев — замечательный собеседник, он умеет слушать других. Виктор Иванович с удовольствием сообщил мне: «Две темки для «Мгновений» Юрию Васильевичу мы подбросили». Но и писатель умеет вовремя подбросить тему для взволнованного разговора о бережном отношении к культуре прошлого, о самобытности русского искусства, противостоящей разрушительному воздействию массовой культуры, о традициях нашей великой литературы. На всех встречах с избирателями беседы о хозяйственных делах и проблемах неизменно переходили к проблеме всех проблем, основе всех основ — человеку, его нравственной сути и духовному миру. Да и как могло быть иначе, ведь люди встречались с писателем! Вот лишь несколько отрывков из выступлений и ответов Юрия Бондарева:

— В чем смысл жизни? Для меня, во-первых, в освобождении от груза страха, который тысячелетиями лежит на плечах человека: страха перед голодом, болезнями, неизвестностью. Это освобождение дает человеку возможность действовать так, как подсказывает сознание. Во-вторых, в движении к поставленной цели. Каждый ставит перед собой разную цель. Но она должна быть в согласии с общей целью всего человечества — благо для всего человечества. Ну а в-третьих, в одержимой работе, в стремлении добиться того совершенства, которое необходимо в любой профессии.

— Какая проблема меня особенно волнует в последнее время? Я с болью думаю о неразумной вырубке лесов, загрязнении рек, истреблении животных. Ведь человек — это частица природы.

— Что я думаю об общественной работе писателя? Современный писатель не имеет права быть в стороне от жизни.

На последней встрече в Котельникове секретарь райкома КПСС А. Г. Самсонов, рассказав кандидату в депутаты о тех делах, которые предстоит вершить сообща, сбился с делового тона и добавил: «Наказы наказами, а больше всего мы ждем, чтобы написали вы еще о нашей земле. Соберитесь снова с памятью!». Память автора «Горячего снега» о пережитом на войне неизбывна. Капитан Ермаков из повести «Батальоны просят огня», вырвавшись с четырьмя солдатами — остатками батальона — из окружения, обуреваем желанием судить виновных в гибели людей: «...Боль у сердца, что появилась тогда в лесу, когда он понял, что судьба наказала его памятью и ответственностью, не утихла, обливая холодной тоской». Этим обостренным чувством памяти и ответственности наделены лучшие бондаревские герои, в которых виден сам автор. Уханов из «Горячего снега», проникшийся уважением к лейтенанту Кузнецову после страшного боя с танками, удивленно говорит: «Ей-богу, до сегодня считал: мимоза ты, интеллигентик... Даже иногда краснеешь, похоже. А ты, брат, коленкор рвешь! Откуда дровишки? Десять ведь кончил? И все?»

Откуда? На этот главный вопрос может исчерпывающе ответить вся наша отечественная история и литература, где свое достойное место заняли книги Юрия Бондарева. Кузнецов до войны жил в Замоскворечье, на Пятницкой, где когда-то у Климентовского переулка войска Пожарского и ополченцы Минина стояли насмерть и не пропустили рвущегося к осажденным в Кремле польским панам гетмана Хоткевича с отборным войском и продовольствием. Этот бой решил судьбу Москвы. Через три с лишним века взвод под командой юноши с Пятницкой до последнего снаряда сражался с танками Манштейна, рвавшегося на помощь к другим окруженным захватчикам. Этот бой решал судьбу Сталинграда. Такая параллель пришла мне в голову неожиданно, когда мы заговорили с Бондаревым о любимом Замоскворечье. Я признался писателю, что не могу отделить образ Кузнецова от судьбы автора, представить происходившее иначе, чем в романе, и попросил рассказать, как все было на самом деле, хотя бы уточнить по географии и событиям. Юрий Васильевич усмехнулся:

— Точно рассказать по датам может лишь тот, кто не воевал, а приехал на фронт писать корреспонденцию. А я был просто солдат, записей не вел да часто и не знал ничего, как многие другие мои товарищи. А тогда в морозы высадили нас из эшелонов, где — неизвестно. И начался двухсоткилометровый марш по заснеженной степи с боями, бомбежками, острым чувством голода, обморожениями. Куда — тоже неизвестно. Валенки стирались на марше, прикручивали проволокой к подошвам что попало. А на Мышковой встали в степи где-то в районе Громославки. Помню голый берег и противотанковый ров — жители Сталинграда, наверное, вырыли. Держались за него, хоть он мало помогал, но отступать было нельзя. Окопаться не успели как следует — и началось... Ну, а Кузнецова и сравнивать со мной нельзя. Он интеллектуал, а я тогда был мальчишкой...

Каждый из недавних мальчишек — лучших сыновей Родины в книгах писателя, как сам он когда-то, как многие из его однополчан, взял на свои неокрепшие плечи непомерный физический и нравственный груз, выстоял и победил. Таких людей судьба навсегда наделила памятью и ответственностью, столь свойственными Юрию Васильевичу Бондареву — писателю, человеку, общественному деятелю.

Александр БОБРОВ,
специальный
корреспондент
«Литературной России»

ВОЛГОГРАД — КАЛАЧ — КОТЕЛЬНИКОВО — МОСКВА

Фото автора